

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6

УДК 130.3/316.4

Головашина Оксана Владимировна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и методологии науки,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
(Тамбов, Россия)
Научный сотрудник,
Томский государственный университет
(Томск, Россия)
ovgolovashina@mail.ru

Golovashina, Oksana

Candidate of Historical Sciences, Associate professor,
Department of Philosophy and Methodology of Science,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
(Tambov, Russia)
Research Scholar,
Tomsk State University
(Tomsk, Russia)
ovgolovashina@mail.ru

Социальное событие как способ измерения времени*

Social Event as a Way of Measuring Time

Аннотация. Цель статьи – концептуализация социального события как способа измерения социального времени. Эпистемологической основой мышления о событии в таком качестве является представление о дискретности социальной реальности, а также уникальность события, определяемая через его последствия. Для реализации поставленной цели автор обращается к текстам Г. Зиммеля, Д. Карра, А. Бадью. На основании проделанной работы, автор трактует социальное время как нарратив, имеющий априорную природу, и связывает измерение времени с обозначением событий.

---

* Для цитирования: Головашина О.В. Социальное событие как способ измерения времени // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 1269–1295. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6

For citation: Golovashina, O. “Social Event as a Way of Measuring Time.” *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 3, no. 4 (2019): 1269–1295, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-4-6>

© Головашина О.В., 2019

© Golovashina O., 2019

Ключевые слова: социальное время, социальное событие, историческое событие, измерение времени, Зиммель, Карр, Бадью, нарратив.

Abstract. The article aims at conceptualization of a social event as a way of measuring social time. The idea of the discreteness of social reality and the uniqueness of the event determined through its consequences constitute the epistemological basis of thinking about an event in this capacity. To achieve her goal, the author addresses the texts by Georg Simmel, David Carr, and Alain Badiou. Based on the work done, the author interprets social time as a narrative of a priori nature and links time measurement with the designation of events.

Key words: social time, social event, historical event, time measurement, Simmel, Carr, Badiou, narrative

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации» (проект «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации» № 19-18-00421).

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation “The Problem of Historical Responsibility: Ethical and Normative Foundations, Discursive Practices and Media Representations” (project “The problem of historical responsibility: ethical and regulatory grounds, discursive practices and media representations” No. 19-18-00421).

Введение

Последовательное линейное время – не данность, и, как правило, выступает результатом работы, а событие – это то, на что необходимо опираться, чтобы позволить времени течь дальше. Часы, минуты, года помогают ориентироваться в физическом времени, однако, они мало способны сказать о социальном. Начало года уже не связано с хозяйственными циклами и все меньше зависит от политических решений, неделя остается неделей, несмотря на редкие и всегда неудачные попытки «отменить воскресенье» (например, в Советском Союзе по Постановлению СНК СССР от 24.09.1929 «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю»). Сейчас наоборот – события окрашивают цифры на календаре – иногда в прямом смысле, когда обычный прежде день вдруг становится красным (или наоборот), вызывая ассоциации, определяя траектории развития коллективов. Октябрь 1917-го или 9/11 – это не просто цифры или дни, они выступают как синоним события. Если русский крестьянин запоминал, что он родился после «Михайлова дня», то современный американец начинает новую страницу истории после 11 сентября. Поэтому важно, не сколько дней (месяцев,

лет) прошло, а произошло ли что-либо за это время. Если открыть учебник истории, то он будет представлять собой историю событий. Они связываются между собой историческим нарративом, который интерпретирует последовательность событий в соответствии с целями авторов или заказчиков нарратива. Причем того, что называется событием, будет тем больше, чем ближе к современности мы подходим.

Дефиниция события в среде исследователей довольно неоднозначна. Условно можно выделить две линии в трактовке социального события. В соответствии с первой из них событием может быть любой момент, эпизод, то есть, событие – это «не есть непременно значительное и запоминающееся»¹, а что угодно, во время чего произошли какие-либо изменения. Эта интерпретация предполагает, что событие можно трактовать в качестве онтологической категории, позволяющей рассмотреть специфику социального действия в условиях пассивности действующего субъекта, то есть, социальное событие рассматривается как то, что может быть социальным действием. Любое социальное действие представляет собой социальное событие, но не любое социальное событие может быть проанализировано как социальное действие. Истоки этого способа теоретизирования связываются с трудами Дж.Г. Мида и А. Уайтхеда, а его развитие прослеживается в работах Д. Дэвидсона, Р. Эмерсона, А.Ф. Филиппова и др.² Трактовка события у представителей другой линии ближе к обыденному понимаю («это было грандиозное событие, разделившее жизнь на до- и после-»), что отличает события от эпизодов, случаев и т. п.). В качестве кейсов авторы могут рассматривать не только действия (свершения), но и произведения живописи, романы³, а основным объектом внимания становятся масштабные – по времени, последствиям и т. д. – явления, которые не могут быть равны социальному действию⁴. Событие – это не случай, то есть, не то, что произошло

---

¹ Филиппов А.Ф. К теории социальных событий // Логос. – 2004. – № 5 (44). – С. 7.

² См., например: Davidson D. *Essays on Action and Events*. – Oxford: Clarendon Press, 1980; Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. – Oxford: Clarendon Press, 2001; Emerson R.M. *Observational field work* // *Annual Review of Sociology*. – 1981. – Vol. 7. – P. 351–378; Филиппов А.Ф. К теории социальных событий // Логос. – 2004. – № 5 (44). – С. 3–28; Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // *Гуманитарные исследования ИГИТИ*. – Вып. 5 (12). – Москва: Государственный университет Высшая школа экономики, 2004; Филиппов А.Ф. Базовый словарь теории социальных событий // *Пути России: Проблемы социального познания* / Под общей редакцией Д.М. Рогозина. – Москва: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2006. – С. 195–208 и т. д., а также некоторые трактовки в работах А.Н. Уайтхеда, Дж.Г. Мида, Н. Лумана.

³ Как это представлено, например, в работе Wagner-Pacifci P. *What is an Event?* – Chicago; London: McGraw Hill; University of Illinois press, 2017.

⁴ В качестве примера можно привести работы Abbott A. *Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology* // *Sociological Theory*. – 2007. – Vol. 25. – №. 1. – P. 67– 99; Abbott A. *Time*

(«случилось») в определенном времени и пространстве. Сьюэлл, например, определяет события «как относительно редкий подкласс происшествий, который значительно преобразует структуры»⁵. Ж. Делез, заменявший субстанцию ризомой, делает множественность и изменения основой своей онтологии. У него нет объекта, но только территория, множество, и

множество бесконечное: план имманентности является движением (вернее, лицевой стороной движения), происходящим между частями каждой системы и между разными системами, пересекающими все эти системы, перемешивающими их и подчиняющими их при условии, что они не будут абсолютно закрыты⁶.

Поэтому событие у Делеза обусловлено необходимостью выявления в этой «универсальной изменчивости» концептов, то есть, событие – это, прежде всего, событие языка. Без связанности с линейной темпоральностью событие может быть определено только как смысл. При этом событие развивается в условиях различных темпоральных исчислений, приводящих к складке. В предлагаемой статье мы придерживаемся второй линии исследования событий, однако, отметим, что эти линии неправильно рассматривать как исключаящие друг друга, с некоторыми оговорками идеи представителей одного из направлений можно использовать при исследовании тех событий, концептуализацией которых занимаются представители другого направления; выделение направлений вызвано разной исследовательской оптикой, а не несовместимыми парадигмами исследователей.

В современной философии «событие» по популярности заменяет место «сущности» или какой-либо еще из категорий классической философии. Новая метафизика событийна, вместо деконструированного «бытия» философы говорят о «со-бытии», однако, большинство авторов скорее объясняют событие при помощи времени, а не измеряют время событиями.

Matters: On Theory and Method. – Chicago: University of Chicago Press, 2001; *Griffin L.J.* Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // *American Journal of Sociology*. – Vol. 98. – № 5. – P. 1094–1133; *Nathanson C.A.* Problems, Crises, Events and Social Change: Theory and Illustrations // *Sociological Research Online*. – 2009. – Vol. 14. – № 5. – URL: <http://www.socresonline.org.uk/14/5/11.html> (дата обращения – 04.06.2019); *Sahlins M.* The Return of the Event Again: With Reflections on the Beginnings of the Great Fijian War of 1843 to 1855 between the Kingdoms of Bau and Rewa // *Clio in Oceania: Toward a Historical Anthropology* / edited by A. Biersack. – Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1991. – P. 37–99; *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. – Reading, Mass.: Addison Wesley, 1978 и т.д., а также исследования А. Бадью, Ж. Делеза и некоторых представителей феноменологической философии.

⁵ Цит. по: *Wagner-Pacifici P.* What is an Event? – P. 26

⁶ *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. – Москва: Астрель, 2010. – С. 89.

Цель представленной статьи – концептуализация социального события как эвристически продуктивного способа измерения социального времени. Для решения поставленной цели мы будем акцентировать внимание на: 1) философских основаниях, опираясь на которые можно говорить о возможностях и вариантах измерения социального времени при помощи события; 2) четкой дефиниции социального события в соответствии с поставленной целью; 3) способе измерения социального времени событиями. Предлагаемая в статье реконструкция, несмотря на опору на идеи исследователей события, носит не исторический, а теоретический характер. Мы предлагаем определенную теоретическую разработку, которая, на наш взгляд, иллюстрирует возможности мышления о событии и вариант измерения социальной темпоральности при помощи события.

В качестве эпистемологической основы, позволяющей рассматривать событие как один из способов измерения времени, мы выделим два тезиса. Во-первых, мы рассматриваем социальную реальность как дискретную, опираясь на идеи, наиболее последовательно концептуализированные А. Шюцем⁷. Если социальная реальность дискретна, то у отдельных происходящих явлений (событий) может быть начало и конец, таким образом, возможно осмысление границ события. Последовательность, ряд или процесс могут теоретически быть бесконечны, но отдельное событие – это то, что начинается и заканчивается. Социальное время таким образом состоит из событий, следовательно, мы можем предположить, что оно измеряется не через такие категории как длительность, последовательность, а при помощи событий, выступающих как своеобразные закладки в процессе социальной темпоральности, воспринимаемом как делящийся.

Во-вторых, вслед за Г. Зиммелем, А. Бадью, Э. Эбботом и другими представителями выделенного нами второго направления исследований событий, мы подчеркиваем, что «мы полностью понимаем событие по последствиям»⁸. Именно эта особенность социальных событий отличает их от естественнонаучных. Зиммель пишет о том, что рядовой химический эксперимент не является историческим событием, но может им стать, если во время этого эксперимента произойдет какое-то открытие, которое повлияет на развитие всей науки, жизни населения (или если во время эксперимента произойдет взрыв, от которого пострадает значительное число людей, то оно, исходя из своего места во времени и его соотношения с другими событиями (что, в общем, одно и то же в его трактовке), будет являться историческим). То есть, событие – это не просто то, что

---

⁷ Шюц А. Методология социальных наук // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 6–179.

⁸ Зиммель Г. Проблема исторического времени // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. – Москва: Юристъ, 1996. – Т. 1. – С. 520.

происходит, но то, что также удивляет. Последствия, зачастую непредсказуемые, приводят к тому, что «беспокойство является непременным условием существования событий»⁹.

Наличие у социальных событий последствий напрямую связано с тем, как событие находит себе место во времени – это место, таким образом, может быть только единичным, между всем предшествующим и предыдущим:

Только так оно (событие) участвует в единственной известной нам неповторимости, а именно, в тотальности мирового процесса (при всей своей несовершенности, наше познание всегда соотносится с этой тотальностью). В ней историческое содержание получает определенное место, которое также может быть только единичным — будь оно с качественной стороны индивидуальным или повторяющимся¹⁰.

То есть событие разбивает линейный нарратив на две части – что было «до» и что было «после» события, потому что «после» мы можем говорить только о продолжении события, той новой линии, истоком которой событие послужило, а не продолжении того, что было «до». Благодаря этому свойству события мы можем говорить о том, что само время измеряется событиями, так как для социальной темпоральности важным представляется *не сколько прошло времени, а что произошло за это время*.

Таким образом, мы называем событием что-либо, что приводит к непредсказуемым уникальным последствиям; этот тезис позволяет осмыслять социальную темпоральность как образованную событиями и их следствиями; мысля социальную реальность как дискретную, мы можем говорить о начале и конце события.

Событие во времени

Говоря о событии как способе измерения времени, мы будем использовать линию концептуализации события, которую заложил Г. Зиммель. Базовым для нашей работы будет противоречие, которое можно обнаружить в эссе «Проблема исторического времени».

В тексте работы Зиммель подчеркивает, что событие должно помещаться в какое-либо место во времени¹¹, а чуть ниже в том же тексте замечает, что «время есть лишь взаимоотношение содержаний истории»¹². То есть, с одной стороны есть что-то, называемое временем, в которое мы помещаем событие, с другой стороны, само время оказывается состоящим из содержаний, которые Зиммель также связывает с событиями. Время определяется событиями, которые

---

⁹ *Wagner-Pacifici P.* What is an Event? – P. 31.

¹⁰ *Зиммель Г.* Проблема исторического времени. – С. 522.

¹¹ *Зиммель Г.* Проблема исторического времени. – С. 517.

¹² *Зиммель Г.* Проблема исторического времени. – С. 520.

сами по себе определяются временем. Можно ли каким-либо образом разорвать этот круг?

Мы предполагаем, что в приведенных двух цитатах Зиммель говорит о разных временах. При помощи событий, эпизодов, того, что он называет «атомами», формируется историческое время – своеобразная хронология. Время, о котором Зиммель говорит в начале текста, и затем постоянно отсылает к нему на его протяжении¹³, представляется линией, куда исследователь помещает события, чтобы они стали историческими («объективно протекающее время»¹⁴). История, таким образом, представляет собой способ овладения временем через его измерение, при этом сама она понимается в данном контексте как совокупность событий. При помощи такого отнесения уже «вневременно» понятых событий к месту во времени формируется социальное время.

Далее мы вернемся к этому противоречию и пониманию хронологии. На этом этапе зафиксируем, что мы имеем определенное время («хронологию»), в которое мы помещаем происходящие события. Каким образом это происходит?

Описывая отдельные исторические эпизоды, Зиммель пишет, что момент приобретает или меняет свой смысл в зависимости от того, между какими другими эпизодами он находился. То есть, если обратиться к определению события, понимаемое содержание находит себе место во времени. Исторические явления взаимодействуют друг с другом, образуя при помощи понимания «тотальное» единство, которое необходимо поместить в определенное место в системе времени. Есть ли критерии оправданного отнесения какого-либо события к определённом месту в системе времени? Для Зиммеля этим критерием является только достаточная «сцепленность». Отдельный эпизод приобретает или меняет свой смысл в зависимости от того, между какими другими эпизодами он находится. Поэтому образованную «тотальную» (уже «вневременно») понятную единицу можно перемещать только как единое целое, а не отдельные ее эпизоды. Стоит, однако, заметить, что для Зиммеля действительность – это то, что действительно («на самом деле») есть, поэтому он не ставил себе задачи разработки критериев достоверности – «сцепленность» сама по себе уже доказывает, что для понятого содержания выбрано правильное место. «Место во времени», о котором пишет Зиммель – это совершенно не обязательно пространственное место (на что ссылается Филиппов¹⁵), но оно предполагает соотнесение идеального, доступного пониманию содержания события и его фиксации в ряду других известных событий¹⁶, что уже относится к сфере действительности. Зиммель предлагает рассматривать поле исторического как пазл –

---

¹³ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 522.

¹⁴ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 524.

¹⁵ Филиппов А.Ф. К теории социальных событий. – С. 10–11.

¹⁶ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 520.

понимаемое содержание должно однозначно фиксироваться в одном временном пункте¹⁷, и именно с установлением «пункта во времени — между всем предшествовавшим и всем последующим» – рассматриваемое событие становится историческим, приобретая, следовательно, ту самую «неразложимость», которая является атрибутом события.

Здесь Зиммель довольно последователен и убедителен. Правление Эйериса II Таргариена нельзя вписать в историю России, так как этот эпизод не с чем «сцепить», а царствование Ивана Грозного было после Василия III и до правления Федора Иоанновича. Понимая отдельные эпизоды царствования Ивана Грозного, связывая их с другими эпизодами, которые уже нашли свое место во времени, мы можем затем говорить об этом периоде как целостном, неразложимом событии. Сцепленность позволяет понять, насколько правильно (или неправильно) мы сложили исторический пазл, и, таким образом, оказывается главным условием определения корректности измерения событиями.

Категория «понимание» у Зиммеля отличается от той трактовки, которая сложилась в современной эпистемологии, что может вызвать сложности с дальнейшей разработкой поставленной проблемы. В отличие от исторической действительности «как таковой», понимание находится в сфере идеального, причем нет принципиальной разницы между пониманием реально произошедших исторических событий (действительности, в терминах Зиммеля) и воображаемых событий: «действительность претерпевается, но никогда не понимается», – подчеркивает Зиммель¹⁸. Понимание у него носит вневременной характер, хотя предполагает в качестве основных такие категории как порядок и длительность, определенные в некоторых системах как связанные с темпоральностью. При этом какие бы ассоциации не возникали у людей с бэкграундом, включающим в себя западную рационалистическую традицию, понимание – это «вчувствование в какое-либо единство», то есть, понимание у Зиммеля связано не с выявлением причинно-следственных связей, а с эмоциональными факторами; «понять» означает «вчувствоваться».

Понимание барокко самого по себе будет отличаться от понимания барокко в одной системе с Ренессансом – эпохи в противоречивых взглядах Зиммеля влияют друг на друга. Понимание всегда предполагает наличие не только «понимаемого момента», но и предыдущего, так «до самого раннего известного нам содержания»¹⁹, то есть, необходима, как это называет Зиммель, «тотальность», внутри которой будет понятен каждый элемент.

Подчеркнем еще раз: понимание одинаково работает и для воображаемых, и для реальных ситуаций. Критериями адекватного объекту понимания события

---

¹⁷ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 521.

¹⁸ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 518.

¹⁹ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 519.

могут являться только возможность сцепленности с другими событиями и нахождения определенного места во времени. Выше мы связали это «место во времени» с уже существующей хронологией. Однако сцепленность может быть не только в той области, которую Зиммель называет «действительностью». В паранаучной системе академика А.Т. Фоменко, например, знакомые по учебникам истории античные или средневековые цивилизации маркируются как ошибочные (или тенденциозные) интерпретации поздних исследователей. Так как, как было указано выше, для понимания не имеет значения, говорим ли мы о событиях исторической действительности или художественном мире воображения, отнесение этого события в другое место при наличии другой хронологии не противоречит основным аспектам описываемого Г. Зиммелем исторического времени. Набор цифр ничего не скажет историку, датой этот набор становится, если историк понимает, в какой системе исчисления его рассматривать. Говоря об историческом событии, историк всегда имеет в виду контекст²⁰. Только взаимосвязанный набор фактов может называться историей, и только он составляет время. Есть ли критерии оправданного отнесения какого-либо события к определённому месту в системе времени? Как было отмечено выше, для Зиммеля достаточным критерием оправданного отнесения какого-либо события к определённому месту в системе времени является «сцепленность». То есть, если предположить достаточно логичную взаимосвязную хронологию, которая может отличаться от того, что сейчас предлагается в учебниках истории, то сложно будет показать, чем она не соответствует действительности – особенно при современном очень критичном отношении к концепту «действительность» вообще и к тому, что она отражает, в частности.

В рамках рассматриваемого текста возникает соблазн объяснить описываемое Зиммелем понимание только как интерпретацию. И если так, то разница интерпретаций будет определять одно и то же предметное содержание уже по-другому. Однако Зиммель подчеркивает, что говорит о вневременном понимании, но сам он не приводит такого понимания, и сложно понять, что он имеет в виду. Для нас важно, что акцент на понимании переносит внимание, прежде всего, на субъект исторического познания, так как пониманием, с позиции Зиммеля, может обладать только он. Однако, если субъектом исторического знания оказывается, например, государство (если история все еще – «политика, опрокинутая в прошлое»), то хронологию и, следовательно, историческую действительность, будет конструировать историческая политика. Это приводит к необходимости пересмотра роли и смысла исторического знания вообще. Хронология, таким образом (при принятом нами допущении), предшествует истории, а не сопровождает ее в поисках исторической истины. Уже имеющиеся

---

²⁰ *Heidegger M. The Concept of Time in the Science of History // Journal of the British Society for Phenomenology. – 1978. – Vol. 9. – No 1. – P. 10.*

особенности той или иной эпохи (барокко, Ренессанс, даже тысячелетние «средние века») позволяют наделить рассматриваемое событие какими-либо устойчивыми чертами, только если оно будет отнесено к одной из таких эпох. Имеющаяся система времени, таким образом, выполняет роль своеобразной рамки, которая, конечно, как часть исторической эпистемологии, помогает расширить историческое знание, но и ограничивает, заранее задавая определенные границы, которые иногда могут мешать объективному и целостному познанию какого-либо исторического объекта. Зиммель подчеркивает, что

упорядоченная для понимания целостность имеет для каждой своей части только одно место, что налагает запрет на все перемещения в нашей фантазии²¹.

Но откуда тогда берутся те рамки, которые задают места для размещения исторических событий? Так как неокантианец (на тот период своего творчества) Зиммель подчеркивает «идеальность» понимания, то почему бы не предположить наличие другой рамки, не соответствующей существующей? А если уже известные события будут рассматриваться с позиции другой хронологии?

Таким образом, обращение к идеям Георга Зиммеля позволило концептуализировать событие как единство понимаемого содержания и определенного места во времени, подчеркнуть уникальность как существенный признак события. Уникальные последствия позволяют разделить темпоральность на «до» и «после» или выступают как источник новой темпоральной линии. Благодаря уникальности и непредсказуемым последствиям событие оказывается способом измерения социального времени. Однако этой констатации недостаточно, чтобы признать поставленную выше цель достигнутой. Во-первых, остается непонятным, что имеется в виду под тем временем, место в котором должно найти событие. То есть – сформулируем по-другому – какое время мы измеряем событием? Во-вторых, размышляя о событии как способе измерения времени, мы обязаны спросить, а каким образом осуществляется это измерение?

Событие как события языка

Дэвид Карр в своей монографии «Время, нарратив и история» предлагает парадоксальный на первый взгляд тезис. Индивид, с его точки зрения, начинает осмыслять событие не по последствиям, как утверждал Зиммель, а еще до того, как оно закончилось. Как это происходит? Как можно думать о событии, если его результат еще неизвестен? Какие ресурсы используются для этого? Карр предполагает, что событие осмысляются с учетом того нарратива, часть которого еще не реализовалась. То есть, он, настаивая на том, что нарративную природу имеет не столько текст, сколько сама действительность, доказывает, что

---

²¹ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 521.

нарратив тождественен темпоральности²², представляет собой линию, в соответствии с которой события выстраиваются в определенную нарративом структуру:

Я не хочу сказать, что любой исторический нарратив истинен или что все нарративы одинаковы и среди них нет хороших и плохих. Я просто не согласен с тем, что нарративы не могут быть истинными лишь в силу своей нарративности²³.

Само повествование оказывается с этой точки зрения опытом переживания времени, а нарратив выступает не повествованием из событий, а априорной конструкцией, которая только отражается в тексте, а не конструируется им²⁴. Настоящее, таким образом, как заметил Д. Карр, анализируя феноменологию Гуссерля, это фокус нашего переживания; прошлое при этом образует фон, на котором этот фокус переживается²⁵. Это замечание представляет собой далеко идущую метафору, в которой для Карра акцентируется роль прошлого. Без фона фокус не имеет смысла, именно фон делает фокус фокусом. Можем ли мы говорить о настоящем, если мы не удерживаем в сознании прошлое? Карр настаивает, что мелодия не просто воспринимается, а именно конструируется сознанием времени. Само воспоминание в этом случае оказывается актом не воспроизведения в сознании того, что сознание «помнит», а осознания события, которое еще не происходит, но произошло. При этом, Карр считает, что «сознание времени коренится в неотчуждаемой перспективе современности так же, как и пространственное сознание укореняется здесь»²⁶. Событие анализируется индивидом с позиции предполагаемого будущего, той цели, которая реализовалась (или не реализовалась) в априорном нарративе, но еще требует своего подтверждения в социальной реальности.

Эта же идея встречается у последователя Карра Джона Эллисона²⁷. Таким образом, Карр считает, что нарратив характерен для реальности, а не является только одним из способов его репрезентации.

В этом мире людей само время имеет человеческий характер, и люди придают ему нарративную форму, проживая свои жизни не от мгновения к мгновению, а посредством воспоминания о том, что было, и проектирования того, что будет. И хотя оно несомненно встроено в физический мир и доступно измерениям, человеческое время

---

²² Carr D. *Time, Narrative and History*. – Indianapolis: Indiana University Press, 1986.

²³ Карр Д. История, художественная литература и человеческое время // *Философия и общество*. – 2011. – № 1. – С. 176.

²⁴ Carr D. *Time, Narrative and History*. – P. 174.

²⁵ Carr D. *Time, Narrative and History*. – P. 25.

²⁶ Carr D. *Time, Narrative and History*. – P. 25.

²⁷ Allison J.M. *Narrative and Time: A Phenomenological Reconsideration* // *Text and Performance Quarterly*. – 1994. – № 14. – P. 108–125.

не тождественно числовому ряду (11, 12 и т. д.) или даже понятиям «до» и «после», «раньше» и «позже» – оно прежде всего есть время прошлого и будущего, ощущаемое и переживаемое сознательными, интенциональными агентами с точки зрения их настоящего. А если это так, нарративная форма присуща не только самому процессу рассказывания историй, но и тому, о чем они рассказываются²⁸.

За счет априорного нарратива Карр разрешает вопросы определения места событий и их последующей интерпретации. Событие вписывается в существующий сюжет, теряя, как заметил Рикер, таким образом свою безличность²⁹; при этом, Карр, объявляя нарратив априорным, может не задаваться вопросом, а откуда он берётся – это не является проблемой для того субъекта, для которого нарратив оказывается априорным. Происходящие события, помещаемые в нарратив, безусловно, должны оказывать на него влияние, но тогда появится уже новый нарратив с учетом новых событий, который будет априорным для последующих субъектов. Определённым недостатком решения Карра оказывается именно такая зависимость от субъектов, то есть, мы можем с помощью его решения говорить не о времени вообще, а о субъективной темпоральности, однако в этом можно найти определенные параллели с идеями представителей первой линии исследования социальных событий, которые, связывая событие с действием, говорят о роли наблюдателя (Д. Дэвидсон) или сообществе наблюдателей (А.Ф. Филиппов), различающих события.

Решение Д. Карра нельзя назвать безупречным, однако оно позволяет нам совершить переход к решению последней заявленной в предлагаемой работе проблемы – это анализ того, при помощи каких ресурсов происходит измерение времени. Трактовка темпоральности как нарратива Карром не должна мешать тому, что нарратив нельзя мыслить без использования слов.

Еще Зиммель отмечал конституирующие свойства понятий, которые способны разделить события или даже сконструировать их:

Стоит нам установить и обозначить единичные, отходящие друг от друга во времени составные части такого единства, и намеченные понятиями частицы сами делаются единствами³⁰.

Анализируя царствование Ивана Грозного, мы можем отдельно говорить про опричнину, или даже – про отдельные мероприятия опричников, анализируя войну, мы отдельно осмысливаем в качестве событий отдельные битвы. То есть, событие в соответствии с этой трактовкой – это, прежде всего, событие языка. Предлагаемая интерпретация открывает простор для исследования влияния лингвистических аспектов на конструирование/выявление события. Например,

²⁸ Карр Д. История, художественная литература и человеческое время. – С. 173–174.

²⁹ Ricoeur P. One self as Another. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – P. 142.

³⁰ Зиммель Г. Проблема исторического времени. – С. 526.

обозначение событий октября 1917 года в России в качестве переворота или революции, или как части большой Русской революции 1917 года определяет, что именно является событием, а что – только его составляющими. Новая терминология, если находит поддержку сообществ, меняет исследовательскую оптику и всю систему иерархии и связи событий.

Эта трактовка события потом получит продолжение у Жиля Делеза и – в сильно переработанном виде – у Алана Бадью.

А. Бадью называет событием прорыв к бытию, революцию в поле концептов. Уже однозначная связь события и концепта обязывает нас обратиться к языку. Однако слов может не хватать. Ситуация не исчерпывает свой потенциал, всегда возможно (и случается) то, что оказывается неожиданным, как бы случайным по отношению к предыдущим обстоятельствам. Именно этот избыток приводит к событию – разрыву, радикальному сдвигу, трансформации. В пример Бадью приводит Великую французскую революцию, которая с его точки зрения не могла произойти, исходя из сложившихся обстоятельств. Но именно обозначение ряда эпизодов как революции, а затем Великой французской революции, сделало из этих эпизодов событие. Событие – это не «вещь-в-себе», но способствующее выведению и пониманию еще не актуализированных смыслов, новой нормативности («последствий», как мы обозначали выше).

События – это сингулярности, имеющие место вопреки законам и правилам ситуации, но эффективно меняющие порядок вещей³¹.

Второй аспект, позволяющий отнести какой-либо эпизод к событию – это появление новой нормативности. Важно, что событие обязательно должно привести к другим изменениям, причем эти изменения скорее можно интерпретировать в дискурсе трансформации, взрыва, а не последовательного движения. Поэтому невозможно долгое сохранение, даже развитие ситуации события – обязательно последует новый этап, который оказался возможен только благодаря событию, но само начало которого отрицает предыдущее. После революции придет Термидор, наступит реакция, до тех пор, пока новая нормативность не будет адаптирована реальностью. То есть событие меняет траекторию темпоральности, приводит к разветвлениям: «кто сможет заглушить событие, с которого начинается новая игра?»³² Событие невозможно не заметить, однако его обозначение, концепт, который выделяет это событие, определит аспекты и качества, которые детерминируют место этого события в нарративе.

---

³¹ Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины // Социологос: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – С. 269–289.

³² Бадью А. Манифест философии. – Санкт-Петербург: Аксиома, 2003. – С. 277.

Таким образом, событие находит себе место в темпоральности, воплощении которой может стать, по мысли Д. Карра, априорный нарратив. Основным инструментом, при помощи которого осуществляется измерение времени при помощи события, оказывается язык, «процедура поименования».

Выводы

Для сохранения социального порядка событие должно быть включено в знакомый мир, или мир по-новому выстраивается вокруг этого события, если «включение» невозможно. Возникает новая сцепленность в новом социальном порядке. Время измеряется событиями и, при определенных допущениях, анализ которых не входит в задачи этой статьи, само время может трактоваться как событийность. Измерение событий и/или включение события в знакомый мир происходит при помощи языка; определить событие – это значит его назвать. Говоря о событии, мы говорим концептами.

Introduction

Consecutive linear time is not givenness and, as a rule, it is the result of some work, and an event is what it is necessary to rely upon to allow time to flow on. Hours, minutes and years help to orient oneself in physical time but they can say very little about social time. The beginning of the year is no longer connected with the household and economic cycles and is less and less dependent on political decisions; a week remains a week, despite the rare and always unsuccessful attempts to “cancel Sunday” (for example, in the Soviet Union according to the decree of the Council of People’s Commissars of September 24, 1929 “On working hours and off-work time in enterprises and institutions moving to continuous production week”). Now it is vice versa: it is the events that color the dates on the calendar, sometimes literally, when an ordinary day suddenly turns red (or vice versa), triggering associations and determining collective development paths. October 1917 or 9/11 are not just numbers or days, they act as synonyms for events. While a Russian peasant remembered that he was born after Michaelmas, a modern American begins a new page in history after September 11. Therefore, what is important is not how many days (months or years) have passed but whether something has happened during this time. If you open a history textbook, it will be a history of events. They are linked together by a historical narrative that interprets the sequence of events in accordance with the goals of the au-

thors or those who ordered the narrative. Moreover, the more of what is called an event there will be the closer to the present we come.

The definition of an event among researchers is rather ambiguous. Conventionally, two trends can be distinguished in the interpretation of the social event. In accordance with the first of them, any moment, an episode, may be an event, that is, an event is “not necessarily something significant and memorable”¹ but anything during the time of which some changes occurred. This interpretation suggests that the event can be understood as an ontological category that allows us to consider the specifics of social action under the conditions of the acting subject’s passivity, that is, a social event is considered as the one that can be a social action. Any social action is a social event, but not any social event can be analyzed as a social action. The origins of this method of theorification are associated with the works of G.H. Mead and A.N. Whitehead, and its development can be traced in the works of D.H. Davidson, R.W. Emerson, A. Filippov, et al.² The interpretation of an event by the representatives of another trend is closer to the ordinary understanding (“it was a grandiose event that divided life into before and after,” which distinguishes events from episodes, incidents, etc.). Not only actions (accomplishments), but also paintings and novels³ can be considered by the authors as cases, and the attention is focused on large-scale (in time, consequences, etc.) phenomena that cannot be equal to social action.⁴ The event is not an occasion, i.e., it is not what happened (occurred) at a certain

¹ A.F. Filippov, “To the Theory of Social Events,” [in Russian], *Logos*, no. 5 (44) (2004): 7.

² See, e.g., D. Davidson, *Essays on Action and Events* (Oxford: Clarendon Press, 1980); D. Davidson, *Inquiries into Truth and Interpretation* (Oxford: Clarendon Press, 2001); R.M. Emerson, “Observational Field Work,” *Annual Review of Sociology*, vol. 7 (1981): 351–78; A.F. Filippov, “To the Theory of Social Events,” [in Russian], *Logos*, no. 5 (44) (2004): 3–28; A.F. Filippov, “Constructing the Past in the Process of Communication: Theoretical Logic of Sociological Approach” [in Russian], *Humanitarian Research by IGITI*, is. 5 (12), Moscow: Gosudarstvennyi universitet Vysshaya shkola ekonomiki, 2004; A.F. Filippov, “Basic Dictionary of the Theory of Social Events,” *Ways of Russia: Problems of Social Knowledge*, ed. D.M. Rogozin (Moscow: Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, 2006), 195–208; etc., and some interpretations in the works by A.N. Whitehead, G.H. Mead and N. Luhmann.

³ As represented, for example, in the work by P. Wagner-Pacifici, *What is an Event?* (Chicago; London: McGraw Hill; University of Illinois press, 2017).

⁴ The following works can be used as an example: A. Abbott, “Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology,” *Sociological Theory*, vol. 25, no. 1 (2007): 67–99; A. Abbott, *Time Matters: On Theory and Method* (Chicago: University of Chicago Press, 2001); L.J. Griffin, “Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology,” *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 5: 1094–133; C.A. Nathanson, “Problems, Crises, Events and Social Change: Theory and Illustrations,” *Sociological Research Online*, vol. 14, no. 5 (2009), accessed June 04, 2019 <http://www.socresonline.org.uk/14/5/11.html>; M. Sahlins, “The Return of the Event Again: With Reflections on the Beginnings of the Great Fijian War of 1843 to 1855 between the Kingdoms of Bau and Rewa,” in *Clio in Oceania: Toward a Historical Anthropology*, ed. A. Biersack (Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1991): 37–99; Ch. Tilly, *From Mobilization to Revolution*

time and in certain space. Sewell, for example, defines events “as a relatively rare subclass of happenings that significantly transforms structures.”⁵ G. Deleuze, who replaced the substance with the rhizome, puts multiplicity and change into the basis of his ontology. There is no object, but only territory, multiplicity, and

infinite multiplicity: the plane of immanence is the movement (or rather, the front side of the movement) that occurs between parts of each system and between different systems that intersect all these systems, mix them and subordinate them under the condition that they are not completely closed.⁶

Therefore, according to Deleuze, the event is determined by the need to identify concepts in this universal variability of concepts, i.e., an event is the event of language in the first place. Without a connection with linear temporality, the event can only be defined as meaning. At the same time an event unfolds under the conditions of various temporal calculi that result in the fold. This article adheres to the second trend of studying events but it should be pointed out that it is incorrect to consider these trends as mutually exclusive; with some reservations, the ideas of representatives of one of them can be used to study those events, conceptualization of which is the focus of the representatives of another one; the identification of conditioned rather by different “research optics” than by incompatible research paradigms.

In modern philosophy, the event in popularity replaces the essence or any other category of classical philosophy. The new metaphysics is eventive; instead of deconstructed being, philosophers talk about co-being, however, most authors explain the event using time, rather than measure time by events.

The present article aims at conceptualization of the social event as a heuristically productive way of measuring social time. To achieve the goal, the focus will be on the following: 1) philosophical foundations that underlie the possibilities and options for measuring social time by means of events; 2) a clear definition of a social event in accordance with the goal set; 3) the method of measuring social time by events. Despite relying on the ideas of the researchers of the event, the reconstruction proposed in the article is not historical but theoretical. Certain theoretical considerations are offered, which, in my opinion, can illustrate the possibilities of thinking about an event and the option of measuring social temporality by means of events.

Let us distinguish two theses as an epistemological basis that allows us to consider the event as a way of measuring time. Firstly, we consider social reality as discrete

---

(Reading, Mass.: Addison Wesley, 1978); etc., and also the studies by A. Badiou, G. Deleuze, and some representatives of phenomenological philosophy.

⁵ Cit. by Wagner-Pacifici, *What is an Event?*, 26.

⁶ G. Deleuze and F. Guattari, *Capitalism and Schizophrenia: A Thousand Plateaus* [in Russian] (Moscow: Astrel, 2010), 89.

reality based on ideas most consistently conceptualized by Alfred Schütz.⁷ If social reality is discrete, individual phenomena (events) that occur may have a beginning and an end, thus, it is possible to apprehend the bounds of an event. A sequence, series or process can theoretically be infinite, but a single event is something that begins and ends. Thus, social time consists of events; therefore, we can assume that it is measured not by means of such categories as duration and sequence but by means of events that act like bookmarks in the process of social temporality perceived as something that lasts.

Secondly, following G. Simmel, A. Badiou, E. Abbott and other representatives of the second trend in researching events, identified above, we emphasize that “we fully understand an event by its consequences.”⁸ It is this feature of social events that distinguishes them from natural-science ones. Simmel wrote that an ordinary chemical experiment is not a historical event, but it can become one if during this experiment some discovery occurs that will affect the development of science, the life of the population (or if during the experiment an explosion occurs and a significant number of people suffer from it, it will be a historical event on the basis of its place in time and its correlation with other events (which, in general, is the same in Simmel’s interpretation)). That is, an event is not just what happens but what surprises as well. The consequences, which are often unpredictable, lead to the fact that “anxiety is a precondition for the existence of events”⁹.

The presence of consequences for social events is directly related to how an event finds its place in time – therefore, there can only be a single place between the anterior and the posterior events:

Only this way it (the event) does participate in the single known to us originality, namely, in the totality of the world process (being imperfect as it is, our cognition always correlates with this totality). The historical content receives a certain place in it, which can also be single only, regardless of whether it is individual or repeating in terms of quality.¹⁰

That is, an event breaks the linear narrative into two parts: what was “before” and what was “after” the event, because “after” we can only speak about the continuation of the event, the new line the source of which the event was, but not about the continuation of what was “before.” Due to this property of events, we can say that time itself is measured by events, since what is important for social temporality is *not how much time has passed but what has happened during that time*.

---

⁷ A. Schütz, “Methodology of Social Sciences” [in Russian], in A. Schütz *Selected Works: World Shining with Meaning* (Moscow: ROSSPEN, 2004): 6–179.

⁸ G. Simmel, “The Problem of Historical Time” [in Russian], in G. Simmel *Selected Works* (Moscow: Yurist”, 1996), 1: 520.

⁹ Wagner-Pacifci, *What is an Event?*, 31.

¹⁰ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 522.

Thus, something that leads to unpredictable unique consequences is referred to as an event; this thesis allows us to comprehend social temporality as that formed by events and their consequences; thinking of social reality as discrete, we can speak of the beginning and the end of an event.

Event within Time

Speaking of an event as a way of measuring time, we will use the line of event conceptualization established by Georg Simmel. The contradiction that can be found in the essay “The Problem of Historical Time” will be the basis for our work.

In the text of this work Simmel emphasizes that the event should be placed in some position in time,¹¹ and hereinafter he notes that “time is only a relationship between the contents of history.”¹² That is, on the one hand there is something that is called time, within which we place the event; on the other hand, time itself turns out to be composed of contents, which Simmel also links with events. Time is determined by events, which themselves are determined by time. Is there any way to break this circle?

We assume that in the two quotations Simmel speaks of different times. With the help of events, episodes, of what he calls atoms, historical time is formed, which is a kind of chronology. The time that Simmel writes about at the beginning of the text and then constantly refers to throughout the text¹³ appears to be the line where the researcher places the events so that they become historical (“objectively flowing time”).¹⁴ Therefore, history is a way of mastering time through its measurement, while life itself is understood in this context as the assemblage of events. Social time is formed by means of the attribution of the events that have already been understood as “timeless” to a place in time.

Further we will return to this contradiction and understanding of chronology. At this stage, let us record that we have definite time (chronology) in which we place the events. How does this happen?

Describing individual historical episodes, Simmel writes that the moment gains or changes its meaning depending on what other episodes it was between. That is, if we turn to the definition of an event, the content finds its place in time. Historical phenomena interact with each other and by means of understanding they form a “total” unity that should be placed in a certain place in the time system. Are there any criteria for a justifiable attribution of an event to a specific place in the time system? For Simmel, such a criterion is only sufficient cohesion. A single episode acquires or changes its meaning depending on what other episodes it was between. Therefore, the

---

¹¹ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 517.

¹² Simmel, “The Problem of Historical Time,” 520.

¹³ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 522.

¹⁴ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 524.

total (already “timelessly”) understandable unit can be moved only as a whole but not its separate episodes. However, it is worth noting that for Simmel reality is what really (actually) exists, so he did not set the task to develop the criteria for reliability: “cohesion” in itself already proves that for the contents that has been understood the correct place has been chosen. The “place in time” that Simmel writes about is not necessarily a spatial place (Filippov refers to),¹⁵ but it involves correlating the ideal understandable content of an event and its fixation among other known events,¹⁶ which already belongs to the realm of reality. Simmel proposes considering the historical plane as a puzzle – the understood content should be unambiguously fixed in one time point,¹⁷ and it is with the establishment of a “point in time, between everything that precedes and everything that follows,” that an event under consideration becomes historical, thus acquiring that very “nondecomposability” that is an attribute of the event.

Here Simmel is quite consistent and convincing. The reign of Aerys II Targaryen cannot be included into the history of Russia because this episode has nothing to “be connected with”, and the reign of Ivan the Terrible was after Basil III and before the reign of Fedor Ioannovich. Understanding individual episodes of the reign of Ivan the Terrible, associating them with other episodes that have already found their place in time, we can talk about this period as a holistic, indecomposable event. Cohesion allows us to understand how correctly (or incorrectly) we have put together a historical puzzle, and thus it turns out to be the main condition for determining the correctness of measurement by events.

Simmel’s category of understanding differs from the interpretation that has evolved in modern epistemology, which may cause difficulties in further elaboration of the problem under discussion. Unlike historical reality “as such,” understanding is in the realm of the ideal, and there is no fundamental difference between understanding historical events that actually occurred (reality, in Simmel’s terms) and imaginary events: “reality is being endured but never understood,” as Simmel emphasizes.¹⁸ According to him, understanding is timeless, although it assumes sequence and duration to be the main categories, which are defined in some systems as related to temporality. Moreover, no matter what associations people have with the background, which includes the Western rationalist tradition, understanding is “empathy for some kind of oneness,” that is, Simmel links understanding not with the identification of cause-and-effect relations but with emotional factors: “to understand” means “to empathize.”

---

¹⁵ Filippov, “To the Theory of Social Events,” 10–11.

¹⁶ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 520.

¹⁷ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 521.

¹⁸ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 518.

The understanding of Baroque in itself will be different from the understanding of Baroque in the same system with the Renaissance: in Simmel's conflicting views the epochs influence each other. Understanding always presupposes not only the presence of a moment "that is being understood," but also a previous moment, and in such a way it is "up to the earliest content known to us;"¹⁹ that is, as Simmel calls it, totality within which each element will be understandable is necessary.

Let us emphasize again: understanding works equally for both imaginary and real situations. The possibility of cohesion with other events and of finding a certain place in time can be the criteria for understanding an event in a way that is adequate to the object. Hereinbefore, we associated this "place in time" with the existing chronology. However, cohesion may exist not only in the area that Simmel calls reality. In the parascientific system of Academician A. Fomenko, for example, the ancient world or the Middle Ages, which are familiar from history textbooks, are marked as erroneous (or tendentious) interpretations of later scholars. Since, as it was mentioned above, it does not matter for understanding whether we mean events of historical reality or the artistic world of imagination, assigning this event to another place with a different chronology does not contradict the main aspects of historical time described by Georg Simmel. A string of digits will tell nothing to the historian but this string becomes a date if the historian understands in which numerical system it should be considered. Speaking of a historical event, a historian always has in mind the context.²⁰ Only an interconnected set of facts can be called history, and only this set of facts is what makes up time. Are there criteria for a justifiable attribution of an event to a specific place in the time system? As it was noted above, for Simmel, a sufficient criterion for the justifiable attribution of an event to a specific place in the time system is cohesion. That is, assuming a fairly logical interconnected chronology, which may differ from what is now offered in history textbooks, it will be difficult to show how it does not correspond to reality – especially with the modern very critical attitude to the concept of reality in general and to what it reflects in particular.

Within the framework of the text under consideration, it is tempting to explain the understanding described by Simmel only as an interpretation. And if so, the difference in interpretations will determine the same substantive content in different ways. However, Simmel emphasizes that he speaks of a timeless understanding, but he himself does not describe such an understanding, and it is difficult to understand what he means. It is important for us that the emphasis on understanding shifts attention to the subject of historical cognition in the first place because, according to Simmel, he is the only one who is capable of understanding. However, if the subject of historical knowledge is, for example, a state (if history is still "politics overturned into the

---

¹⁹ Simmel, "The Problem of Historical Time," 519.

²⁰ M. Heidegger, "The Concept of Time in the Science of History," *Journal of the British Society for Phenomenology*, vol. 9, no. 1 (1978): 10.

past”), the chronology and, therefore, historical reality will be constructed by historical politics. This leads to the need to review the role and meaning of historical knowledge in general. Thus, under our assumption, chronology precedes history but does not accompany it in search for historical truth. The existing features of this or that era (Baroque, Renaissance, even the millennial Middle Ages) allow us to endow the event under consideration with any stable features only if it is attributed to one of such eras. Therefore the existing system of time serves as a kind of framework, which, of course, as a part of historical epistemology, helps to expand historical knowledge, but also limits it by pre-setting certain limits that can sometimes interfere with the objective and holistic cognition of any historical object. Simmel emphasizes that

the totality ordered for understanding has only one place for each of its parts, which imposes a ban on all movements in our imagination.²¹

But where does the framework that sets the place for historical events come from then? Being a Neo-Kantian (at that period of work), Simmel emphasizes the ideality of understanding, so why not assume that there is another framework that does not correspond to the existing one? And what if the events that are already known will be considered from the perspective of a different chronology?

Thus, addressing ourselves to the ideas of Georg Simmel allowed us to conceptualize the event as the oneness of the understood content and a specific place in time and to emphasize uniqueness as an essential attribute of the event. The unique consequences make it possible to divide temporality into “before” and “after” or they act as a source of a new temporal line. Due to its uniqueness and unpredictable consequences, the event becomes a means of measuring social time. However, this statement is not enough to recognize that the goal set above is achieved. Firstly, it remains unclear what is meant by the time in which the event should find its place. That is – let us formulate it in a different way – what kind of time do we measure by events? Secondly, thinking about the event as a way of measuring time, we are obliged to ask how this measurement is carried out.

The Event as Language Events

In his monograph *Time, Narrative and History* David Carr proposes a seemingly paradoxical thesis. From his point of view, an individual starts to comprehend the event not by its consequences, as Simmel stated, but even before it ends. How does this happen? How can one think about an event if its outcome is still unknown? Which resources are used for that? Carr assumes that the event is conceptualized taking into account the narrative a part of which has not yet been realized. That is, he in-

---

²¹ Simmel, “The Problem of Historical Time,” 521.

sists that, along with the text, the reality itself also has narrative nature and proves that the narrative is identical with temporality²² and is a line according to which events line up in a certain narrative structure.

I do not want to say that any historical narrative is true or that all narratives are the same and there are neither good nor bad ones among them. I just do not agree that narratives cannot be true only by virtue of their narrativeness.²³

From this point of view, the narration itself turns out to be a practice of experiencing time, and the narrative appears to be not a narration of events but an a priori construction that is only reflected in the text but not constructed by it.²⁴ Therefore, according to David Carr who analyzed Husserl's phenomenology, the present is the focus of our experience and the past forms the background against which this focus is experienced.²⁵ This remark is a far-reaching metaphor in which Carr emphasizes the role of the past. Without a background, focus does not make sense; it is the background that makes focus the focus. Can we speak of the present if we do not retain the past in our consciousness? Carr insists that a melody is not just perceived but constructed by the awareness of time. In this case, the recollection itself turns out to be not an act of reproducing in consciousness what it remembers but awareness of the event that has not been happening yet but has occurred. At the same time, Carr believes that "time-consciousness is rooted in the inalienable perspective of the now just as space-consciousness is rooted in the here."²⁶ An event is analyzed by an individual from the position of the assumed future, the goal that was realized (or not realized) in an a priori narrative, but still requires confirmation in social reality.

The same idea is found in the works by Carr's follower John Allison.²⁷ Thus, Carr believes that the narrative is characteristic of reality but is not the only way of representing it.

In this world of people, time itself has human character, and people give it a narrative form by living their lives not moment by moment, but by remembering what happened and designing what will happen. And although it is undoubtedly embedded in the physical world and accessible to measurements, human time is not identical to the series of numbers (11, 12, etc.) or even to the concepts of before and after, earlier and later – primarily time is the time of the past and the future, which is felt and experienced by conscious intentional

---

²² D. Carr, *Time, Narrative and History* (Indianapolis: Indiana University Press, 1986).

²³ D. Carr, "History, Fiction, and Human Time" [in Russian], *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1 (2011): 176.

²⁴ Carr, *Time, Narrative and History*, 174.

²⁵ Carr, *Time, Narrative and History*, 25.

²⁶ Carr, *Time, Narrative and History*, 25.

²⁷ J.M. Allison, "Narrative and Time: A Phenomenological Reconsideration," *Text and Performance Quarterly*, no. 14 (1994): 108–25.

agents from the point of view of their present. If so, the narrative form is inherent not only in the process of storytelling, but also in what the stories tell about.²⁸

By means of the a priori narrative, Carr resolves the issues of determining the place of events and their subsequent interpretation. An event fits into the existing plot, thus losing its impersonality, as Paul Ricoeur remarked;²⁹ at the same time, declaring the narrative a priori, Carr may not be wondering where it comes from – this is not a problem for the subject for whom the narrative is a priori. The happening events placed in the narrative should certainly have an effect on one, but then a new narrative will appear with new events taken into account, which will be a priori for subsequent subjects. A certain drawback of Carr's solution is such a dependence on the subjects, that is, we can use his solution for speaking not of time in general, but of subjective temporality, but here we can find certain parallels with the ideas of representatives of the first line of research on social events, who link an event with an action and speak of the role of an observer (D. Davidson) or a community of observers (A. Filippov) distinguishing events.

The solution of David Carr cannot be called impeccable, but it allows the transition to a solution of the last problem stated in the proposed work: an analysis of the resources used to measure time. Carr's interpretation of temporality as a narrative should not interfere with the fact that a narrative cannot be thought without using words.

Simmel noted the constitutive properties of concepts that can separate events or even construct them:

Once we establish and designate the individual components of such oneness, which depart from each other in time, the particles outlined by the concepts become oneness themselves.³⁰

Analyzing the reign of Ivan the Terrible, we can separately speak of the oprichnina, or even individual events of the oprichniks; when analyzing the war, we separately interpret individual battles as events. That is, in accordance with this interpretation, an event is a language event first of all. The proposed interpretation opens up scope for studying the influence of linguistic aspects on the design/identification of events. For example, the designation of the events of October 1917 in Russia as a coup or revolution or as part of the Great Russian Revolution of 1917 determines what exactly makes an event and what constitutes its components only. The new terminology, should it find support from communities, changes the research optics and the entire system of hierarchy and connection between the events.

---

²⁸ Carr, "History, Fiction, and Human Time," 173–74.

²⁹ P. Ricoeur, *Oneself as Another* (Chicago: University of Chicago Press, 1992), 142.

³⁰ Simmel, "The Problem of Historical Time," 526.

This interpretation of the event would then be continued by Gilles Deleuze and, in a highly revised form, by Alain Badiou.

Alain Badiou refers to a breakthrough to being, a revolution in the field of concepts as the event. The unambiguous already link between the event and the concept obliges us to address ourselves to the language. However, words may not be enough. The situation does not exhaust its potential; what turns out to be unexpected, as if random in relation to previous circumstances is always possible (and happens). It is such excess that results in an event, a gap, a radical shift, transformation. As an example Badiou mentions the Great French Revolution, which, from his point of view, could not take place based upon the circumstances. But it is the designation of a series of episodes as a revolution and then as the Great French Revolution that made those episodes an event. An event is not a “thing-in-itself” but it contributes to the derivation and understanding of meanings that have not yet been updated and the new normativity (consequences, as we indicated above).

Events are singularities that take place contrary to the laws and rules of the situation but effectively change the order of things.³¹

The second aspect that allows us to attribute any episode to an event is the emergence of new normativity. It is important that the event must necessarily result in other changes, and these changes can be interpreted in the discourse of transformation or explosion rather than sequential movement. Therefore, long-term preservation and even the development of the situation of an event is impossible – a new stage will surely follow, which turns out to be possible only due to the event, the very beginning of which denies the previous one. After the revolution Thermidor will come and the reaction will last until the new normativity is adapted by the reality. That is, an event changes the temporal trajectory and leads to a fork: “Who can drown out the event from which a new game begins?”³² An event is impossible to be overlooked, but its designation, the concept that distinguishes this event, will define the aspects and qualities that determine the place of this event in the narrative.

Thus, an event finds its place in temporality, which, according to D. Carr, may be embodied in an a priori narrative. The main tool to measure time by means of events is the language, the “procedure of naming.”

Conclusion

To preserve social order, an event must be included into a familiar world, or the world will be built around this event in a new way if the “inclusion” is impossible. A

---

³¹ A. Badiou, “Obscure Disaster. The End of the Truth of State” [in Russian], in *Sociologos: Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of RAS* (Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St Petersburg: Aleteiya, 2002), 269–89.

³² A. Badiou, *Manifesto for Philosophy* [in Russian] (St Petersburg: Aksioma, 2003), 277.

new cohesion arises in a new social order. Time is measured by events, and under certain assumptions, the analysis of which is not included in the objectives of this article, time itself can be interpreted as eventivity. The measurement of events and/or the inclusion of an event into a familiar world take place with the help of a language; to define an event means to name it. Speaking of an event, we speak in concepts.

Список литературы

Бадью А. Манифест философии. – Санкт-Петербург: Аксиома, 2003. – 184 с.

Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины // Социологос: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – С. 269–289.

Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. – Москва: Астрель, 2010. – 895 с.

Зиммель Г. Проблема исторического времени // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. – Москва: Юристъ, 1996. – Т. 1. – С. 517–530.

Карр Д. История, художественная литература и человеческое время // Философия и общество. – 2011. – № 1. – С. 160–179.

Филиппов А.Ф. Базовый словарь теории социальных событий // Пути России: Проблемы социального познания / Под общей редакцией Д.М. Рогозина. – Москва: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2006. – С. 195–208.

Филиппов А.Ф. К теории социальных событий // Логос. – 2004. – № 5 (44). – С. 3–28.

Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Гуманитарные исследования ИГИТИ. Вып. 5 (12). Препринт WP6/ 2004/ 05. – Москва: Государственный университет Высшая школа экономики, 2004. – 56 с.

Шюц А. Методология социальных наук // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 6–179.

Abbott A. Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology // Sociological Theory. – 2007. – Vol. 25. – № 1. – P. 67–99.

Abbott A. Time Matters: On Theory and Method. – Chicago: University of Chicago Press, 2001. – 296 p.

Allison J.M. Narrative and Time: A Phenomenological Reconsideration // Text and Performance Quarterly. – 1994. – № 14. – P. 108–125.

Carr D. Time, Narrative and History. – Indianapolis: Indiana University Press, 1986. – 189 p.

Davidson D. Essays on Action and Events. – Oxford: Clarendon Press, 1980. – 352 p.

Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – 145 p.

Emerson R.M. Observational field work // Annual Review of Sociology. – 1981. – Vol. 7. – P. 351–378.

Griffin L.J. Narrative, Event–Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // American Journal of Sociology. – Vol. 98. – № 5. – P. 1094–1133.

Heidegger M. The Concept of Time in the Science of History // Journal of the British Society for Phenomenology. – 1978. – Vol. 9. – № 1. – P. 3–10.

Nathanson C.A. Problems, Crises, Events and Social Change: Theory and Illustrations // Sociological Research Online. – 2009. – Vol. 14. – № 5. – URL: <http://www.socresonline.org.uk/14/5/11.html> (дата обращения – 04.06.2019).

Ricoeur P. One self as Another. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 365 p.

Sahlins M. The Return of the Event Again: With Reflections on the Beginnings of the Great Fijian War of 1843 to 1855 between the Kingdoms of Bau and Rewa // *Clio in Oceania: Toward a Historical Anthropology* / edited by A. Biersack. – Washington DC: Smithsonian Institution press, 1991. – P. 37–99.

Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. – Reading, Mass.: Addison Wesley, 1978. – 349 p.

Wagner-Pacifici P. What is an Event? – Chicago; London: McGraw Hill; University of Illinois Press, 2017. – 240 p.

References

Abbott, A. “Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology.” *Sociological Theory*, vol. 25, no. 1 (2007): 67–99.

Abbott, A. *Time Matters: On Theory and Method*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Allison, J.M. “Narrative and Time: A Phenomenological Reconsideration.” *Text and Performance Quarterly*, no. 14 (1994): 108–25.

Badiou, A. “Tainaya katastrofa. Konets gosudarstvennoi istiny” [Obscure disaster. The end of the truth of state]. In *Sotsiologos: Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN* [Sociologos: Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of RAS], 269–89. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St Petersburg: Aleteiya, 2002. (In Russian)

Badiou, A. *Manifest filosofii* [Manifesto for Philosophy]. St Petersburg: Aksioma, 2003. (In Russian)

Carr, D. “Istoriya, khudozhestvennaya literatura i chelovecheskoe vremya” [History, fiction, and human time]. *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1 (2011): 160–79. (In Russian)

Carr, D. *Time, Narrative and History*. Indianapolis: Indiana University Press, 1986.

Davidson, D. *Essays on Action and Events*. Oxford: Clarendon Press, 1980.

Davidson, D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 2001.

Deleuze, G., and F. Guattari. *Kapitalizm i shizofreniya: Tsyacha plato* [Capitalism and schizophrenia: A Thousand Plateaus]. Moscow: Astrel', 2010. (In Russian)

Emerson, R.M. “Observational Field Work.” *Annual Review of Sociology*, vol. 7 (1981): 351–78.

Filippov, A.F. “Bazovyi slovar' teorii sotsial'nykh sobytii” [Basic dictionary of the theory of social events]. In *Puti Rossii: Problemy sotsial'nogo poznaniya* [Ways of Russia: problems of social knowledge], edited by D.M. Rogozin, 195–208. Moscow: Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, 2006. (In Russian)

Filippov, A.F. “Konstruirovaniye proshlogo v protsesse kommunikatsii: teoreticheskaya logika sotsiologicheskogo podkhoda” [Constructing the past in the process of communication: theoretical logic of sociological approach]. *Gumanitarnye issledovaniya IGITI* [Humanitarian Research by IGITI], issue 5 (12), preprint WP6/ 2004/ 05. Moscow: Gosudarstvennyi universitet Vysshaya shkola ekonomiki, 2004. (In Russian)

Filippov, A.F. “K teorii sotsial'nykh sobytii” [To the theory of social events]. *Logos*, no. 5 (44) (2004): 3–28. (In Russian)

Griffin, L.J. “Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology.” *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 5: 1094–133.

Heidegger, M. “The Concept of Time in the Science of History.” *Journal of the British Society for Phenomenology*, vol. 9, no. 1 (1978): 3–10.

Nathanson, C.A. “Problems, Crises, Events and Social Change: Theory and Illustrations.” *Sociological Research Online*, vol. 14, no. 5 (2009). Accessed June 04, 2019, <http://www.socresonline.org.uk/14/5/11.html>

Ricoeur, P. *Oneself as Another*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Sahlins, M. “The Return of the Event Again: With Reflections on the Beginnings of the Great Fijian War of 1843 to 1855 between the Kingdoms of Bau and Rewa.” In *Clio in Oceania: Toward a Historical Anthropology*, edited by A. Biersack, 37–99. Washington DC: Smithsonian Institution Press, 1991.

Schütz, A. “Metodologiya sotsial'nykh nauk” [Methodology of Social Sciences]. In Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: World shining with meaning], 6–179. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian)

Simmel, G. “Problema istoricheskogo vremeni” [The Problem of Historical Time]. In Simmel G. *Izbrannoe* [Selected Works], in 2 vols, 1: 517–30. Moscow: Yurist", 1996. (In Russian)

Tilly, Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, Mass.: Addison Wesley, 1978.

Wagner-Pacifci, P. *What is an Event?* Chicago; London: McGraw Hill; University of Illinois Press, 2017.